

Theatre and Music. Mosk[ovskiy] Ved[omosti]. 1913, December 24 no. 296, p. 3.

Театр и музыка. Моск. вед. 1913. 24 декабря, № 296. С. 3.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 494

The Philharmonic Society dedicated the program of its fourth symphony meeting, held on December 21, to the works of two of the greatest representatives of modern Russian music, Rachmaninoff and Scriabin. The former was represented by the Second Piano Concerto (in the author's own performance), the second - the First Symphony and the Poem of Ecstasy. Both were Muscovites¹ by birth, students of the same conservatory (Moscow), having emerged in the same year as independent composers, Rachmaninoff and Scriabin took such divergent paths in their compositional careers that recognition of one now almost precludes recognition (or at least a proper assessment) of the other. This, at least, is the case in Moscow. Rachmaninoff's most ardent admirers refuse to acknowledge Scriabin (in the current evolution of his work), and vice versa. A struggle for hegemony on the concert stage is underway between the two, dividing the audience into two hostile camps. From this perspective, the combination of these two names in the program of the Philharmonic Society's final concert, a practice rarely seen before, was particularly interesting. For perhaps the first time, the public was given the opportunity to compare the works of both in the same concert and make a comparative assessment of both, at the same time more clearly defining their attitude toward these two musical movements, whose representatives are Rachmaninoff and Scriabin. The only thing that somewhat weakened the interest of this comparison was that Scriabin was represented in this concert by works that were little characteristic of the current direction of his creative activity. Not to mention his First Symphony, with which (as with all other music) the present-day Scriabin has nothing in common; even his Poem of Ecstasy, compared, for example, to his Prometheus and his last sonatas, is already considerably "outdated." And yet, even with this "softening" of Scriabin, the comparison yielded quite instructive results. While Scriabin, despite all the thunder of his Poem, enjoyed only relative success, Rachmaninoff, presented as a composer within the modest framework of a piano concerto, evoked a unanimous and stormy admiration that rarely befalls anyone. Such an assessment of Rachmaninoff's work can only be welcomed, as an indicator of the prevalence of healthy musical instincts in our public, which protect it from being carried away by the extremes of the unhealthy deviations of the musical present.

Rachmaninoff the composer shared success with Rachmaninoff the pianist, who in this field is considered one of the greatest musical talents of our time. In response to persistent demands for repetitions, he was forced to perform three of his pieces beyond the program. The conductor was L. Kreutzer, well-known from his previous performances in Moscow. He meticulously learned and confidently conducted the program, but nothing more. He was at his best with the symphony, less so with the Poem and the accompaniment to Rachmaninoff's concerto, in which he completely failed to rise to the soloist's inspired interpretation. G. Ch. [G. Chereshev]

¹ Only Scriabin was born in Moscow; Rachmaninov was born in the Semenov estate in Novgorod province.

Филармоническое общество посвятило программу состоявшегося 21 декабря своего четвертого симфонического собрания произведениям двоих крупнейших представителей современного русского музыкального творчества Рахманинова и Скрябина. Первый был представлен Вторым фортепианным концертом (в его собственном исполнении), второй — Первой симфонией и Поэмой экстаза. Оба москвичи¹ по рождению, воспитанники одной и той же консерватории (Московской), в один и тот же год выступившие на самостоятельное артистическое поприще, Рахманинов и Скрябин в своей композиторской деятельности пошли столь различными путями, что в настоящее время признание одного почти исключает признание (или, во всяком случае, правильную оценку) другого. Так, по крайней мере, обстоит дело в Москве. Наиболее рьяные поклонники Рахманинова отказываются признавать Скрябина (в теперешней эволюции его творчества) и наоборот. Между тем и другим происходит борьба за гегемонию на концертной эстраде, разделившая публику на два враждебных лагеря. С этой точки зрения очень интересно было соединение в программе отчетного концерта Филармонического Общества этих двух имен, до настоящего времени почти не практиковавшееся. Публике чуть ли не впервые предоставлена была возможность сопоставить творчество того и другого в одном и том же концерте и сделать сравнительную оценку того и другого, вместе с тем яснее определив свое отношение к этим двум музыкальным течениям, представителями которых являются Рахманинов и Скрябин. Несколько ослабляло интерес этого сопоставления лишь то, что Скрябин в этом концерте был представлен произведениями, мало характерными для настоящего уклона его творческой деятельности. Не говоря уже об его Первой симфонии, с которой (как и со всякой другой музыкой) у теперешнего Скрябина не осталось ничего общего, даже его Поэма экстаза, по сравнению, например, с его Прометеем и последними сонатами, является уже сильно «устаревшей». И тем не менее даже при таком «смягчении» Скрябина сделанное сопоставление дало достаточно поучительные результаты. В то время как Скрябин, несмотря на все громы его Поэмы, имел лишь относительный успех, Рахманинов, представленный как композитор в скромных рамках концерта для фортепиано, вызывал единодушный и бурный восторг, который редко кому выпадает на долю. Такую оценку творчества Рахманинова можно только приветствовать, как показатель господства в нашей публике здоровых музыкальных инстинктов, которые оберегают ее от увлечения крайностями нездоровых уклонов музыкального настоящего.

Рахманинов-композитор делил успех с Рахманиновым-пианистом, и на этом поприще являющимся одним из крупнейших музыкальных дарований нашего времени. В ответ на настойчивые требования повторений ему пришлось сыграть три свои пьесы сверх программы.

В качестве дирижера выступил Л. Крейцер, известный по прежним своим выступлениям в Москве. Он добросовестно разучил и уверенно провел программу, но не более. Лучшее всего ему удалась симфония, меньше Поэма и сопровождение к концерту Рахманинова, в котором дирижер совершенно не сумел подняться до вдохновенной интерпретации солиста.

¹ Москвичом по рождению является только Скрябин, Рахманинов родился в имении Семеново, Новгородской губернии.

